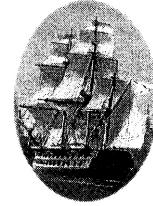




11050 1259

СВЯТОЙ А ФЛОТОВОДЕЦ РОССИИ

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ВОИНА
ФЕОДОРА УШАКОВА,
АДМИРАЛА
НЕПОБЕДИМОГО



САТИСЬ
ДЕРЖАВА
Санкт-Петербург
2004

«ВОТ КЛЮЧ КОРФУ»



Часть вторая АДМИРАЛ-ОСВОБОДИТЕЛЬ «Вот ключ Корфу»

[2]

Ушаков совсем не ждал столь полного успеха своей политики. Уже не только население острова, но и народы западной части Балканского полуострова («матерой берег») волновались и громко требовали «остаться под Россией». Это ставило Ушакова в щекотливое положение: ведь тут уже затрагивались не интересы Али-паши, а права и суверенная власть Оттоманской Порты. Вот что писал Ушаков вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Кушелеву 10 (21) ноября 1798 г., еще до овладения о. Корфу:

«Благодарение Всевышнему Богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфу, все прежде бывшие венецианские острова от рук злоредных французов освободили. Греческие жители островов и матерого берега, бывшего венецианского же владения, столь великую приверженность имеют к Государю Императору нашему, что никак не можно описать ону. Едва я только успокаиваю их; не хотят ничего общего иметь с турками: все вообще в присутствии турок кричат, что никакого правления и правителей не хотят, кроме русских, и беспрестанно воскликдают: "Государь наш Император Павел Петрович!" Политические обстоятельства понудили меня уговаривать их всячески, что государи наши императоры послали нас единственно освободить их от злоредных французов и сделать вольными на

прежних правах, до воспоследования высочайшей конфирмации. Сим успокаиваются они только потому, что надеются на будущее время непременно оставаться под Россию. Хотя я знаю, что политические обстоятельства сего не позволяют, но как эти бедные люди после останутся и на каких правах, неизвестно; мы узаконяем их теперь и доставляем спокойствие»¹.

В самом деле, с первого же момента появления своего у Ионических островов Ушаков, его моряки и солдаты вели себя по отношению к местному (греческому, по преимуществу, а также славянскому) населению так благожелательно, с таким непрятворным русским добродушием и до такой степени вдохнули атмосферу спокойствия и полной личной безопасности, что местные жители, привыкшие к совсем другому обхождению со стороны французских оккупантов, просто не могли в себя притти от удивления и восхищения. Али-паша именно в это время напал на торговый город Превезу. Взяв Превезу, он, как уже сказано, варварски перерезал значительную часть мужского населения, утгнал женщин, захватил все имущество горожан. Немногие спасшиеся бежали на занятые Ушаковым острова, моля о защите.

Все это и произвело вполне естественный эффект. Можно смело сказать, что не было у России в 1798–1800 гг. более преданных друзей, чем население Ионических островов, которое трепетало от ужаса при одной мысли об уходе русской эскадры. Нельзя без чувства зажкой гордости за русского моряка читать сохранившуюся в нашем Военно-морском архиве рукопись донесения Ушакова Павлу I, в которой дано простое, но тем более воинущее описание создавшейся после первых побед Ушакова обстановки. Читатель увидит, что Ушаков жалеет об отсутствии «историографа» при его эскадре. Но он сам оказался прекрасным историографом действий своих воинов и в то же время гнусных злодейств Али-паши. Донесение Ушакова помечено 10 (21) ноября 1798 г. В нем Ушаков как бы резюмирует свои дости-

¹ ЦГВМА, ф. Сборный, д. 97, л. 18. Копия. См. также: Р. Скаловский, цит. соч., стр. 379–380.

жения на Ионических островах. Этот документ так важен и так ничем не заменим, что его должно привести тут полностью. Всякое изложение может лишь ослабить впечатление от него. Вот что адмирал писал Павлу I:

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу: прежде бывшие венецианские острова больши и малы, все нашими соединенными эскадрами от французов освобождены, кроме острова Корфу, который содерится эскадрами нашими в блокаде. Берега от полуострова Морея, простирающиеся к венецианскому заливу, также от французов освобождены, обитатели всех оных мест столь привержены и преданы Вашему Императорскому Величеству, я не в состоянии описать той великой приверженности, какая действительно от душевного рвения их явственна, а особо когда пришли мы с эскадрами к острову Занте, встречены жителями оного острова так, как во всеподданнейшем рапорте моем от 26 минувшего октября (ст. ст.) объяснено, редкое гребное судно и лодка показались, на которых не было бы российского белого флага с Андреевским крестом, когда по надобности сходил я на берег и был в монастырях и в церквях, от стеснившегося народа по улицам и от устрашающегося на обе стороны нельзя было пройтись от чрезвычайного крики, беспрестанно взглаждающего имя Вашего Императорского Величества «виват Павел Петрович, виват Государь наш, Павел Петрович!» Генерально почти во всех домах и из окон оных выставлены висящие флаги первого адмирала, несколько тысяч таковых было видно по всем улицам на белых платках и на холстине нарисованные Андреевым крестом, также из оконек развещено было множество одеяй, платков и разных бумажных и шелковых материи. Женщины из оконек, а особо старые, простирая руки, многие крестясь, плачут, показывая видимость душевных действий, какие в них от удовольствия происходят, малолетних детей выносят, заставляют целовать руки у офицеров, даже и у служителей наших, словом, во всех островах замечено мною в расаждении обитателей чрезвычайная приверженность к Вашему Императорскому Величеству, таковой вид наносит товарищам моим (туркам) неприятность, но я всеми способами — утищностью и лас-

таты явились к нему с покорностью, но насилием жестоким образом принуждены написать от себя такие договоры, какие он желал, и когда они возвращались с ними, то общество и слышать не хотело, к нашему флагу на крепости подняли еще турецкий флаг и явились ко мне, обливаясь слезами, от ног моих не отходят, чтобы мы соединенными эскадрами приняли их в защиту, покровительство и распоряжение союзных держав сходно на тех же правилах, как острова от нас учреждены».

Но Ушаков предвидит, что царь усомнится, можно ли, не нарушая «священных» монархических прав султана, помочь несчастным жителям Парги:

«Я послал их, чтоб просили о том сотоварища моего Кадыр-бей, он весьма доволен их со своей стороны уговаривал, чтобы отдались Али-паше, но в отчаянности их напоследок лично Кадыр-бей, командующему эскадрою, при моем офицере и при драгомане от Порты, ко мне определенным, решительно отозвались, что буде мы не примем их в наше покровительство и защиту, которого они от нас просят в крайности своей отчаянности, последнее употребят средство — порежут всех своих жен и детей. Против Али-паше и войск его, когда будут они их атаковать, в городе и крепости станут драться до того, пока умрут все до одного человека, российского и турецкого флагов, которые они имеют, сами собою добровольно никак не останутся».

При takовых крайностях имели мы между собою в общем собрании в присутствии моем, Кадыр-бей, присланного от Порты к нему министра Махмут-ефендия, драгомана от Порты, при мне находящегося, и присланного секретаря от Али-паша советовалися и полагали, чтоб Паргу оставить на время под нашим покровительством на основании островских жителей до высочайшей только конфирмации, как об ней повелено будет. Примет ли Али-паша сей наш совет или нет, останось я теперь еще в безызвестности, но жители Парги не отходят и не освобождают меня никакими отговорами, неотступно настают и просят слезно, чтобы непременно приняли мы их в наше покровительство и чтобы я дал им хотя одного офицера с тремя или че-

кою стараюсь их успокоить всех, знатных первейших жителей, приходящих ко мне, всегда посыпаю к Кадыр-бей, командующему турецкой эскадрой, для оказания такового к ему почтения, и с просьбами, с какими ко мне приходят, к нему также посыпаю, и все дела касающиеся решаем вместе общим нашим согласием».

Ушаков явно хочет возбудить в Павле сочувствие и желание помочь населению «матерого» берега, страдающего от разбойничих подвигов Али-паша:

«Одно только сумнительство со мною встретилось, когда Али-паша, командующий на берегу турецкими войсками, разбил в Превезе французов и покусившихся быть вместе с французами несколько жителей, по побеждении их в Превезе, перерезаны все, кто только ни попали в руки, старые и малы и многие женщины, а остальных, которые взяты, женщины и ребята, продаются тогром подобно скотине и отдаются в подарки, прочие же разбежались в разные острова и наполнили оные стоном и плачем, которые же после осмелились возвратиться в Превезу и с теми поступлено жестоко и многие лишились жизни, остальные не смеют возвратиться. По убедительным просьбам от таковых людей писали и я и Кадыр-бей учтивые наши письма к Али-паше и для успокоения жителей просили его всех оставшихся жителей города Превезы, равно и взятых пленными жителей же из разных островов великодушно простить и освободить, но незаметно, подействуют ли наши просьбы».

Все прочих мест береговые жители, прежде бывшие в венецианском владении, видя чрезвычайные жестокости, пришли в отчаянность и озлобление, а особо обитатели города Парга, хотя неоднократно пашою принуждаемы были несколько люди подписать договоры, какие он им приказал сделать, но все общество не принимает их и ссыпать не хочет; в город и крепость его и войска, от него посыпаемые, не впускают, подняли сами собою российский флаг на крепости и из рук его не выпускают, неотступно просят от эскадр наших покровительства. Я писал об них Али-паше и к ним писал, чтобы они явились к Али-паше и просили бы его принять их в защиту и покровительство на тех же правилах, какие учреждаем мы на островах. Депу-

тырьма солдатами и позволил бы иметь флаг наш на крепости, иначе они решаются лучше умереть, нежели отдать Али-паше».

«Всемилостивейший государь, таковые чувствительные обстоятельства повергают меня в великое сумнение, я замечу, Блистательная Порта, конечно, старается и намерена весь тот берег удержать в своем подданстве, потому опасаюсь я, чтобы сей случай не нанес какого-либо безвинного на меня подозрения и негодования, тем паче предосторожность в рассуждении моей опасности понуждает меня сумневаться, что никакого предписания о установлении островов и всего прежде бывшего венецианского владения, как они должны оставаться, я не имею кроме того, что, в конференции будучи, полагалось со всеми обитателями сих мест поступать со всякой благосклонностью, приятством и дружеством, и по совету с нашим министром и по публикациям, какие выданы от Порты манифестами от патриарха, сходно с оными поступаем мы и острова узаканиваем, на таковом точно основании, делая их вольными и на прежних правах до высочайшей конфирмации. Но Паргу, на матером берегу состоящую, по означенным обстоятельствам не смеем мы сами собою с Кадыр-бейем приступить и узаконить и чтобы дать им от нас для охранения их офицеров и служителей, и теперь в таком я еще состоянии, ежели Али-паша не последует нашему совету, дать ли нам от себя в Паргу сколько-нибудь людей на том основании или оставить ее вольною Али-паше. Жители оного места от меня не отходят и не решаются ни на что другое, кроме просимого ими удовлетворения. Откровенно осмеливаюсь всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству генерально все жители здешнего края, прежде бывшие в венецианском владении, бесподобную приверженность имеют к России и к Вашему Императорскому Величеству; сими только средствами мы малым числом десантных наших войск побеждаем и берем крепости, которых величими турецкими войсками и без наших, по мнению моему, никак бы взять было невозможно, ибо жители островские все бы противу их вооружились и были бы преданы французам и с ними вместе дрались бы до последней крайности, словом, по сие время действи-

лений. Природа, как бы нарочно, выдвинула из самой середины острова, в пролив к Албанскому берегу, крутой, длинный, вверху плоский мыс или полуостров. На восточной стороне этого мыса возвышается огромная каменная гора, которая с ровного места к южной стороне поднимается в кругловатом виде вверх и идет пирамидальным утесом, оставляя по сторонам уступы. Они, восходя выше и выше, оканчиваются в вершине отрезком пирамиды, так что вся крепость подоющим судам из Средиземного моря к южному Корфотскому проливу показывается в виде чрезвычайно малой величины маяка. На этом мысу укрепления расположены следующим образом: к морю на утесе стоит старая Венецианская крепость, за ней пространная и ровная площадь, способная для обучения и действия войск; далее город, а за ним новая крепость. Утесистые берега мыса, уступы горы и площади укреплены чрезвычайными крепостными сооружениями. Французские инженеры истощили тут все свое искусство: неприступны эти укрепления называются здесь Авраам, Сальвадор (Спас) и Св. Рох, по северной стороне подошвы горы расположены казармы, арсенал, великолепные дома, казенные и частные. Крепость отделяется от острова широким и глубоким рвом, за которым идет высокий вал с бруствером, бастионами, фасами, флангами, куртиной и прочими наружными укреплениями. По середине главного рва сделан другой водяной ров, в который, вместо гавани, заводятся мелкие суда, и по сторонам его кладутся корабельные и мачтовые леса. Сам город лежит в середине между старой и новой крепостями, проходя от первой через площадь, начинается городское строение. Корфу стоит лицом к острову, под прикрытием новой крепости, облемющей его кругом, начиная с одного края до другого, сильными укреплениями. Широкие и глубокие рвы, сильные наружные укрепления и пристройки ограждают город со стороны сухого пути. Новая крепость весьма обширна и чрезвычайно возвышена насыпью земли, которая стала великого иждивения. По высотам ее идут в несколько рядов укрепления; берега между обеими крепостями, старой и новой, по крутизмам их от воды также обведены стеной и сокнуты с оными.

В третьей крепости Св. Рох все укрепления вообще одеты диким

большим камнем и обведены подземными подкопами и минами. Словом сказать, Корфиотские укрепления считаются одними из неприступнейших в Европе, и, будучи в руках воинственной державы, могут стать наряду с Гибралтаром и Мальтой.

В зрительную трубку ясно различить могли мы два холма, составляющие вершины цитадели: на одном из них развивался трехцветный французский флаг, а на другом поставлен был телеграф. Множество французов стояли на обоих холмах неподвижны, наблюдая также в трубки все движения соединенных эскадр, входивших в канал под всеми парусами и в боевом порядке.

Обогнув мыс, Адмирал со своим кораблем придержался на ближайшее расстояние к острову Видо (названному, кстати, французами островом мира [*l'ile de la paix*] и отстоящему от крепости на пушечный выстрел). Он укреплениями своими прикрывает западную сторону Корфу и представляет высокую гору, которая, начиная с низменного места, от восточного мыса, возвышается ровным хребтом и останавливается на середине острова, ближе к стороне города и крепости. Северная сторона его обращена к острову, называемому Лазарето. Гора эта к берегам восточной и западной стороны понижается уклоном и составляет несколько ровное местоположение, которое занято укреплениями. С этого гористого и высокого острова все строения в городе и старой крепости совершенно открыты.

Адмирал Ушаков, окинув глазами местоположение и указывая на Видо, сказал: «Вот ключ Корфу». Отсюда могли мы уже рассматривать глазами французских солдат, строивших поспешно батареи на разных возвышенностях острова и заваливавших берега засеками из вырубленных масличных деревьев, для воспрепятствования нам высадки.

Союзный флот стал на якорь против Корфу полуокружением, центром которого был остров Видо. С этого средоточия, измеряя глазами, левая дуга полуокружия протянута была по проливу между обоих островов Лазарета и Вида и приближалась к новой крепости, а правая по северному берегу Вида, почти к самому мысу Корфу на¹ ... сажен. Таким образом, обнимая укрепления крепостей и острова Видо,

этим расположением флота Корфу обведен был крепкой осадной цепью кораблей. Она препятствовала сообщению французов с берегами Албании и с проходящими проливом разными судами, а равно и уходу их кораблей. Адмирал со «Св. Павлом» стал ближе к берегу Корфу, для удобнейших переговоров островскими жителями. Начальники соединенного флота, по предписанию от Порты, потребовали тотчас вспомогательного войска от Пашей, берегами Албании управляющих. Каждый должен был выставить 3 000 человек для сухопутных наших действий, но обязанности эти не были ни одним выполнены, хотя Кадыр-Бей и послал к ним тотчас нарочных с этими требованиями.

Корабли поставлены были следующим порядком: впереди, ближе к новой крепости, корабль «Мария Магдалина» между островами, за ними корабль «Павел», на котором находился Адмирал; за оным турецкие два корабля — Пашинский и Вице-Адмиральский и два фрегата; потом наш фрегат «Николай», за ним корабль «Захарий», потом Контр-Адмиралльский турецкий и наконец против мыса старой крепости корабль «Троица»; всего десять линейных судов. Прочие находились в резерве.

Коль скоро голубые Андреевские кресты на былых наших флагах стали развиваться перед Корфу, обрадованные жители начали стекаться отовсюду. Знатнейшие из островитян не замедлили отдать почтение нашему Адмиралу. Между этими почтеннейшими жителями первый явился на корабль «Св. Павла» граф Николай Булгари, известный всем приверженностью своей к России! ¹

Народ, единодушно нам преданный, готов был также ополчиться против общих врагов; корфиоты пылали желанием пользоваться независимостью, дарованной прочим островам, и быть обязанными ею одним только своим единоверцам; по всем селениям отправляемы были молебства за здравие Августейшего Российского Дома; вся-

кое сообщение между городом и деревнями было уже прекращено, и все снабжения и продовольствия у неприятеля отняты.

Недостаток в провианте более всего озабочивал Адмирала Ушакова. Заготовление оного в Наварине не имело желаемого успеха. Морской наместник, отозвавшись недостатком в деньгах для покупки сей потребных, считал себя огражденным от всякой ответственности. Для этого предмета посланы были туда из Константинополя другие комиссары, но слишком поздно; между тем эскадра претерпевала величайший недостаток в продовольствии. Команды несколько дней питались сухарными сметками, одно только свежее мясо, покупаемое с матерого берега, поддерживало их. Люди были утомлены беспрестанными разъездами на батареях, доставлением на них провианта, снарядов и подкреплений. Сильные проливные дожди изнуряли их еще более, а особенно тех, кто находился на укреплениях. Будучи всегда на открытом воздухе, они не выходили почти из

¹ Коль скоро французы вошли на Корфу, граф Булгари удалился из города и жил в своем поместье. Островские жители, имея великую к нему доверенность и уважение, были ему чистосердечно преданы. Он был у них судьей всех, случившихся между ними распрей, которые оканчивали он всегда миролюбиво. Этот почтенный муж предложил услуги своим Адмиралу. Он нарочно на это время перебрался в Гунио, чтобы удобнее и скорее приводить в исполнение предпринимаемые нами меры. Адмирал препоручил ему навербовать войска из островских жителей и вверил ему начальство над ними. Он был, действительно, единственный человек, способный выполнить такое пропоручение. Народ был уверен в его приверженности к русским и в ненависти к французам, объявившим его тогач по прибытии своих на Корфу возвратимым и врагом республики. Дом и все его имущество в городе были конфискованы. Все были уверены в его бескорыстии. Он с давнего времени заслужил умел народную любовь, благородным своим состраданием и явной защитой, оказываемой им всем несчастным гражданам, угнетенным неправосудием и гонениями прежнего Венецианского правительства. Таков был граф Булгари, чье ласковое обхождение и отличные услуги, оказанные отечеству нашему в то время, никогда не изгладится из памяти всех участвовавших в этом походе. Он привнес себе в помощники живущего по близости там же и приверженного к России графа Мамуна. Оба они ревностно нам помогали и труждались, созывая из всех мест островских жителей и воспоминая усердие их к постройке и к скорейшему произвождению прочих работ на эскадрах.

¹ В рукописи пропуск. По плану расположения блокады правое крыло эскадры подходило к месту расположения батарей Св. Пантелеимона, к западу от старой крепости, на картечный выстрел.

мокрого платья, и число больных со дня на день увеличивалось. Попечение адмирала о вверенном ему войске внушило ему мысль купить албанские капоты¹ и снабдить ими всех людей; можно утверждительно сказать, что благоразумная эта мера спасла, конечно, жизнь большей половины экипажей. В краях этих, где в зимнее время идет почти беспрестанный дождь с пронзительным ветром и где ночи во все времена года холодны и сыры, албанские толстые кепты необходимы для сохранения здоровья и даже жизни.

Турки, видя недостатки наши и имея сами хлеба только на несколько дней, делились с нами великодушно последним; они взирали на каждого русского матроса с почтением и благодарностью, чувствуя, что все бремя осады лежало на них одних, а более всего восхищало их примерное повиновение и неукоснительное исполнение приказаний начальников во всякое время, без малейшего возражения и ропота. Русские в подобных случаях не только не исчисляют затруднений, но твердость своей и мужественным упорством стараются преодолеть все препятствия и достичь цели начальства.

Только в конце декабря началась порядочная доставка провианта, состоявшего, вместо круп, из толченой пшеницы (Булгур) и ячменных сухарей, весьма худо выпеченных из муки, отбранной правительством силой у морейских греков; но и в этом провианте претерпевалась большой недостаток, по медленности его заготовления.

Положение Адмирала Ушакова без денег, провианта и войск было крайне затруднительно, и хотя он имел кредитов в 100 тысяч червонных от баронов Гипша и Тимона на дом Соммарина в Сицилии, но возвратившийся из Палермо мичман <...>², посланный туда по этому предмету, привез неприятное известие, что дом сей оказался

¹ Род короткой бури или шали из толстого сукна, набрасываемой на плечи и защищающей от дождя, жары и холода; она же служила одеялом и постелью для спанья.

² В рукописи на месте фамилии пропуск. Нужно думать, что это был мичман Абрюцкий 2-й, посланный 8-го ноября в Палермо, к адмиралу Нельсону, как видно из «Курьера плавания».

таря посольства, а потом и поверенным в делах Султана Селима. Преданность его и любовь к англичанам были столь велики, что он чаще переписывался с лордом Нельсоном, нежели со своим двором. Он писал по-французски и по-английски. В Лондоне приобрел он ловкость и развязность европейского дипломата, сохранив в душе своей все свойства и наклонности турка. У Махмут-Ефенди так, как и у всех прочих министров, в Диване заседающих, золото и личная корысть брали всегда верх над славой и пользой отечества. Он русских весмы не любил, вероятно потому, что они не его правилами руководствуются¹.

Российскому Адмиралу не трудно было проникнуть виды лорда Нельсона, но и без этих политических уважений он не мог бы удовлетворить требований его, ибо, сверх недостатка в войске, деньгах и продовольствии, корабли «Мария Магдалина», «Св. Троицы» и «Богоявление Господне», по ветхости их, имели нужду во многих поправках и не могли без явной опасности держать море в ненастное зимнее время.

Многие относили все вышеупомянутые неприятности к ошибочному плану похода, начертанному Адмиралом Ушаковым, который, по мнению их, должен был следовать из Константинополя прямо на Корфу, где бы нашел французов врасплох, не подготовленными к обороне, не запасенными провиантом и не укрепившимися на острове Видо. Равномерно упрекали его в том, что он продовольствие эскадры своей вверил турецкому начальству. Мы спросим у строгих сих судей, мог ли Адмирал Ушаков вообразить, чтобы деятельные французы, обладавшие верхней и средней Италией, имел в руках своих Корфу, это столь важное приморское укрепление, утверждавшее, по положению своему, влияние их на Европейскую Турцию и на весь восточный берег Адриатики, оставил в крепости этой слабый и нуждающийся в провианте гарнизон. Предположение это оправдалось и

¹ В 1807 году Махмут-Ефенди был Рейс-Ефендием (министром иностранных дел), но сodeлся так, как и все прочие министры несчастного Селима, жертвой кровожадных янычар.

несостоятельным. С другой стороны лорд Нельсон сильно настаивал, чтобы российский адмирал отрядил от эскадры своей суда для блокирования Генуи, залива Спедии, Ливорни и всего того берега, считая меры эти гораздо полезнейшими осады Корфу.

Предложение лорда Нельсона тем менее имело основания, что французы, им же пораженные при Абукире и лишенные своего флота на Средиземном море, не могли, да и никакой нужды не имели делать покушения с моря на западные берега Италии, которую они большей частью занимали сухим путем; но намерения англичан были в этом случае ясны: они хотели отвлечь российский флот от Корфу¹, оставив этот остров на блокаду одних только турок, которым английский адмирал не преминул бы послать на подкрепление малый отряд военных судов, зная, что французский гарнизон в Корфу, лишенный всякой надежды получить вспоможение войсками и нуждающийся от тесного блокирования в пропитании, должен будет в конце марта сдаться и принять все условия союзников. Став таким образом твердой ногой в Адриатическом море, лорд Нельсон знал бы, какие употребить способы при Оттоманской Порте, для вознаграждения англичан за проливаемую ими (будто бы в пользу Султана) кровь в Египте. Содействием их обширные области, орошаемые Нилом, возвращены были бы Порте Оттоманской, а Корфу и Ионические острова вообще остались бы в руках Великобритании².

Управлявший делами по дипломатической части на турецкой эскадре Махмут-Ефенди был величайший приверженец Английского правительства, при котором находился он шесть лет в звании секре-

¹ Предложение капитан-лейтенанта Метаксы совершенно справедливы. Из переписки Нельсона, относящейся к этому времени и изданной в 1845 г., видно, что Нельсон подозревал русских в желании захватить себе порта в Средиземном море и утвердиться на Ионических островах. В бескорыстное участие России в этой войне он не верил. Нельсон пытался предупредить приход русских в Адриатическое море, и лишь отсутствие полномочий помешало ему овладеть Ионическими островами английским оружием.

² Чего не могло исполнить Английское правительство тогда, в том успело оно на шестнадцать лет позже.

великобританским поверенным в делах в Константинополе С. Сперсером Смитом, который также известен был, что на Корфу находился до 8 000 отборного гарнизона. Итак, план Главнокомандующего был основан на здравом рассудке; он во всех донесениях к Высочайшему двору представлял о необходимости иметь высадное войско, до прибытия же этого занялся очищением от французов прочих Ионических островов, восстановлением на них порядка и учреждением попечительных правительств, чем укротил воспаленные умы греков матерого берега, а особенно пелопонесцев, которые, находясь под тяжким игом турок, ожидали перемен в участии своей единственно от успехов Франции, наводнившей всю Грецию комисарами, проповедовавшими всюду вольность, независимость и равенство. Появление на всех берегах победоносного Российского флага вывело ослепленных греков из заблуждения их, и приверженцы французской республики обратились все добровольно к русским, своим единоверцам.¹

Французы со свойственной им ловкостью употребляли все средства, коими можно было только ослепить греков, действуя на пылкое их воображение и возрождая в них любовь к древней их свободе.

Что же касается до упреков в рассуждении неисправного продовольствия, то Адмирал Ушаков, служивший от самых юных лет до седых волос в благоустроенном своем отечестве, где Высочайшая воля Государя Императора выполняется с такой же точностью в столице, как и на пределах Камчатки, не мог ожидать, чтобы власть грозных султанских фирмов не распространялась далее Серальских стен. Управляющие областями паши не что иное суть, как откупщики доходов, с коими вместе берут на откуп неограниченную власть над несчастным народом, земли те населяющим; они в первые годы своего управления вносят Порте, как данники, определенную за место плату, потом по мере обогащения своего и

¹ Французы со свойственной им ловкостью употребляли все средства, коими можно было только ослепить греков, действуя на пылкое их воображение и возрождая в них любовь к древней их свободе.

умножения войск своих, делаясь явными слушниками, отчуждают себя от турецкого подданства и наконец ставят ни во что не только насыщенные им фирманы, но даже Султана самого. Несмотря на все недостатки, претерпеваемые эскадрами, Адмирал приступил немедленно к осаде Корфу. Расположив флот, как сказано было выше, в полукружии, для охранения проливов между островами Видо и Лазарет, отделены были в южный — корабли «Захарий», «Троица», фрегат «Григорий Великий Армении» и вице-адмиральский; а в северный — корабль «Богоявление», фрегаты «Счастливый» и два турецких больших; корабли «Троица», «Захарий» и турецкий контр-адмиральский временно становились на свои места, но большей частью ходили в крейсерство в северном проливе.

Оба Адмирала, не теряя времени, отправились в порт Гуино¹, лежащий в пяти верстах к западу от крепости. Французы, не имея достаточных сил для удержания места этого за собой, разорили его до основания и оставили потом без всякой защиты. Генуэзцы и венецианцы не пощадили величайших издержеек для построения здесь Адмиралтейства, в котором исправлялись корабельные и гребные их флоты. Венецианская республика, опасаясь, вероятно, сделать подрыв своему арсеналу, столь много и неосновательно выхваляемому, не извлекла надлежащей пользы от этой губы, столь удобной для учреждения обширной корабельной верфи, которая могла бы снабжать себя весьма удобно обильнейшими и превосходными строевыми лесами Албании.

Вся губа эта завалена была днищами трех старых кораблей, однотипных фрегатов, затопленных по верхнюю палубу, и множеством потопленных галер и гребных судов, так что с величайшим трудом можно было добрести до берега. Все строения, кроме одной смолни и лесных сараев, были истреблены; в последних найдено некоторое количество (вероятно забытое) соснового и дубового корабельного леса, который и велено употребить в пользу эскадр. Всякий народ в подобных

¹ Так именуется бывшее венецианское Адмиралтейство на острове Корфу и в «Журнале плавания»; у Скаловского — Говино; у Броневского — Гуви.

знаться, что одним только русским представлено творить подобные чудеса: щедрость их, гибкость в обхождении, расположение к удовольствиям всякого рода и легкость, с какой научаются они чужестранным языкам, сближают их весьма скоро со всеми народами.

По приказанию Адмирала судно «Панагия» и с турецкой эскадры одна корвета лавировали около эскадр, особенно в ночные времена, между островом и матерым берегом, откуда они могли в ночное время уводить пасшийся на нем скот.

В предосторожность после вечерней зари посыпали с обеих эскадр в объезд вооруженные гребные суда. Равномерно поставлен был маяк на высоте горы острова Корфу, с которой видны были все суда, приходившие из Адриатического залива в Ахилеяг и Средиземное море. Таким образом, Адмирал принял все меры к пресечению французам путей к высадке и к получению помощи и продовольствия в здешнем крае.

Французская эскадра, стоявшая между старой крепостью и островом Видо, состояла из кораблей: «Цедрый» (Le Généreux) о 74 пушках¹, «Леандра» о 60 пушках, 40-пушечного фрегата «Лабрюн» (La Brune) и нескольких полугалер, остатка венецианской морской силы.

Эскадра эта составилась следующим странным образом: «Женероз», командуемый отважным капитаном Лажулем (Lajoille), находился в арьергарде контр-адмирала Брюйса при Абукирском сражении.

По совершенном поражении лордом Нельсоном передовой части французского флота, стоявшей на шпринге, спустился он к неприятельскому арьергарду. Капитан Лажуаль, предвидя для себя ту же участь, которая постигла товарищего его, снялся заблаговременно с якоря и, надеясь на ходкость своего корабля, ушел, взяв направление к Тулону.

На высоте Сиракуз он штилевал двое суток; между тем английский адмирал после этой знаменитой победы отправил в Гибралтар ко-

¹ Так как наши матросы и моряки называли всегда «Цедрого» «Женерозом», то и я, упоминая о нем, впредь сохрани ему это название.

случаях не уважил бы, конечно, укреплений, ниже съестных магазинов, ни всего того, что могло бы служить ему во вред, перейдя в неприятельские руки, но истребление пустых казарм, магазинов, Адмиралтейской верфи, стоявшей стольких миллионов, разрушение множества партикулярных домов, может ли быть причислено к военным мерам? Здесь действовала одна лишь бессильная злоба, и должно сознаться, что в искусстве истреблять господа французы того времени превзошли далеко вандалов и гуннов.

В порте Гуино мы нашли множество городских жителей обоего пола и разных сословий, бивуакировавших на развалинах новейших Сарацян. Все обступили Адмирала: иные, прося о принятии их в российскую службу; другие с проектами для скорейшего овладения крепостями; многие же с доносами на домашних якобинцев. Адмирал всех просителей отсылал к графу Булгари, которого он назначил начальником всех островских селений (Intendant Generale delle Comunità), препоручая ему заняться делами своих сограждан и приведением в исполнение всех распоряжений, до островских жителей касающихся.

По предписанию Главнокомандующего были здесь исправлены (сколько способы то позволяли) некоторые дома, в которых поместили больных с обеих эскадр. По прошествии же нескольких дней начали производиться кузнические, плотнические, купорные и все адмиралтейские работы. Гуино сделался вторым Ахтиаром, и в нем, во все продолжение блокады Корфу, русские неоднократно угощаемы были приятными вечеринками у здешних дворян. Гуино было первое место, в которое офицеры наши начали перенимать приятный венецианский язык, на котором говорят корфиотские лады; тут мы познакомились с гитарой, сонетами, баркароллами¹ и с итальянским вольным общождением.

Таким образом пустыня с развалинами преобразилась в веселой обиталище; все оживотворилось: всякий искал рассеянности и никто не помышлял о недостатках, им претерпеваемых. Надобно при-

¹ Венецианские народные песенки.

рабль «Леандр» с депешами к главнокомандующему всеми морскими английскими силами на Средиземном море лорду Сен-Винценту. Корабль «Женероз» на той же высоте сошелся с «Леандром». Англичанин никак не мог, да и не хотел избегнуть сражения, и оба корабля вступили в кровопролитный бой. Незирая на превосходство «Женероза» как в людях, так и в числе пушек, «Леандр», который перед этим должен был выдержать в течение трех часов упорнейшее сражение в Абукире, при всем недостатке в снарядах, только тогда прекратил бой, как не было уже порока и не оставалось способного народа, более сорока девяти человек от трехсот пятидесяти, составлявших комплект экипажа. «Женероз» остался победителем и привел добычу свою к Корфу.

Фрегат же «Лабрюн» отправлен был из Тулона в Египет в начале октября месяца. У острова Кандии погнался за ним английский фрегат, но он от него ушел к северу и очутился через две суток на Корфу. Лажуаль, командуя этой как бы с неба упавшей эскадрой, по прибытии сюда соединенных флотов старался всячески ободрять гарнизон, а еще более робких евреев¹, которые, опасаясь наглости корфиотской черни и бросания бомб со стороны осаждавших, заблаговременно перебрались со своими сокровищами в казематы (разумеется за деньги). Следуя национальному характеру французов, Лажуаль сам выхвалял свои морские подвиги и искусство в управлении

¹ Хотя при Венецианском правительстве евреи были терпимы на Ионических островах, но от простой черни греков, особенно на Корфу и Занте, претерпевали величайшие угнетения. Во все церковные праздники и в Страстную неделю не только не могли они торговать, но принуждены были запираться в своем квартале (Ghetto). Беда тому, кто смел показываться на улице в запрещенные дни: за счастье почитали они быть только закиданными грязью и каменьями. Евреи однако же отчаялись от всего без ропота и оборотливым своим умом умели привлечь к рукам всю здешнюю торговлю и следственно наличные деньги. Великолепные французы возвратили им все преимущества гражданства (за 25 000 червонных) и возводили их даже в достоинства комиссаров и мирных судей при Ратуше. При русских евреи обращены были в первобытное их состояние, с той только разницей, что деньги их остались при них и что они были защищены от всяких оскорблений со стороны простого народа.

легким кораблем. При всяком удобном ветре он выступал под паруса и, лавируя по близости старой крепости, приводил, таким образом, зрителей городских в изумление своей смелостью.

Не довольствуясь простыми прогулками, неутомимый Лажуаль, пользуясь 12-го ноября умеренным юго-западным ветром, снялся с якоря и, подойдя к южной стороне крепости к нашему отделению, стал против корабля «Троица» и с дальнего расстояния вступил с ним в сражение. В это время корабль «Захарий» случился под ветром и стараясь также к нему приблизиться, но «Женероз», поставив все паруса, пошел на ветер и возвратился к крепостям, а оттуда в самом дальнем расстоянии подошел к кораблю адмиральскому, приготовившему шпринтом. Последовала между ними небольшая сшибка, но расстояние было столь велико, что большие пушки наши не могли иначе доставать, как навесными выстрелами. С корабля «Гавел» артиллерия действовала столь исправно, что «Женероз», почувствовав это превосходство, возвратился через оверштаг и ушел под крепость. На нем сделаны были изрядные повреждения, а именно раздроблена кормовая галерея, сбит тик, с которым, как бы для предвещания скорого падения Корфу, и флаг опустился на низ, несколько пробин в борту, да убито 8 человек. На корабле «Гавел» по счастью урона не было, кроме перебитых фор-марса драйрепа и нескольких пробегающих снастей, на «Троице» же пробита была ядром бизань-мачта. В это время сигналом велено было от главнокомандующего кораблю «Мария Магдалина», фрегату «Николай», судну «Панагия», турецкому фрегату и корвете лавировать около флота и наблюдать, чтобы «Женероз», под видом пустых заманок к бою, не покусился уйти из пролива, но когда он, отложив до другого случая мщение свое за эти русские неучтивости, возвратился под крепости и занял свою стоянку, то и наши суда стали на якорь. С тех пор военные прогулки смельчака Лажуала прекратились.

Скоро после тревоги сей прибыл в Корфу капитан 1-го ранга Сенявин, оставил при Св. Мавре для содержания брандвахтенного поста одну brigантину. Любя воздавать должную справедливость храбрости, Сенявин выхвалил смелый подвиг Лажуала, но, кипя желанием затмить его и дать французам образчик русской неустроши-

ности, он просил убедительно Адмирала Ушакова позволить ему с кораблем своим прорваться между старой крепостью и островом Видо и взять «Женероз» на абордаж, но Ушаков был слишком осторожен, чтобы согласиться на это смелое предложение. Он дорожил эскадрой своей и не хотел подвергнуть опасности лучший свой корабль, зная, что «Женероз» без того спастись не может и должен будет сделаться добычей эскадр, его блокирующих.

При открытии действий против Корфу, по первому Адмирала нашего призыва, жители острова Корфу, Занга и Цефалонии согласились нами соединиться и действовать общими силами против французов. Дрожеское это соединение единоверцев наших проложило нам путь к успехам, без того весьма было осаждать кораблями крепости и батареи, подобные коринфским. Французы имели право, шутя над нами, говорить: «Русские хотят с кораблями своими въехать в бастионы!» Однако же чудо это совершилось; все жители единодушно поклялись подняться с нами оружие против французов, и все устремились к этой цели. Многие обещали, забрав все свое имение, оставить дома свои и удалиться с нами в Россию. Для помощи жителей высажено было несколько наших матросов на берег; по обе стороны крепостей устраивались укрепления для прикрытия и защищении ближних мест от вылазок неприятельских и удержания его от грабежа. Со своей стороны французы также имели партию. Ближние деревни, лежавшие под крепостными выстрелами, боялись с нами соединяться.

Главная цель Адмирала Ушакова стремилась к тому, чтобы взять живой рукой остров Видо, но прежде надобно было дать вспоможение жителям; для этого предприятия он велел обратить солдатскую команду на берег. Между тем граф Булгари, кому дано было (как сказано выше) предписание сделать перебор всем селениям на острове, успел набрать до 10-ти тысяч исправно вооруженной милиции, разделил ее на батальоны и определил начальниками опытных и исправных офицеров. Адмирал, по тщательном досмотре 13-го ноября всех позиций, выгоднейшим местом для батарей на северном берегу острова признал холм Монте-Оливето, к которому примыкает приморское селение Мандукио, где удобно было приставать гребным судам нашим. Отсю-

да можно было вредить новой крепости Монте-Абрааму и защищать Гунискую губу. Артиллерии лейтенанту Ганфельду и лейтенанту Саранди препоручено было построение батарей: четыре полевые пушки, два караульные единорога, две мортиры такого же калибра и 35-фунтовая гаубица призовая были свезены в Гуино и оттуда доставлены на место. Невзирая на проливной дождь, продолжавшийся несколько дней сряду, и на беспрестанную канонаду, которую французы производили со всех почти укреплений по Монте-Оливето, русские успели в предприятии своем: в трое суток работа была кончена, и 15-го ноября с батареи нашей открыты сильный огонь по крепости.

Все вылазки неприятеля были бесполезны: только что он появлялся, вспомогательное войско прибегало с кораблей на помощь к жителям и, соединяясь с ними, прогоняло французов назад. После того как они и покушались выходить из наружных укреплений для грабежа деревень, но жители и албанцы, ободренные прежними успехами, отбивали часто и одни все нападения.

Засищение Монте-Оливето препоручено было капитанам морских батальонов: Никонову и Кикину, при 300 рядовых, 200 турках и 40 албанцах под командой майора Кирко.

Построение батарей к южной части крепости, на возвышенности Св. Пантелеймона, было не менее необходимо, как для прикрытия от нечаянного нападения Кардаки, в коем находились неотлучно отряды эскадр для налита воды, так и для воспрепятствования всякой рода сообщения неприятеля с селениями, в этой части острова расположеными. Препоручение это возложено было на полковника Юхарина, и оно выполнено было им ревностно с помощью 100 русских, под начальством лейтенанта Саранди, 500 коринфотов и вице-адмирала Шеремет-Бея¹. Для этого укрепления взято было с турецкой эс-

кадры шестнадцать 24-фунтовых пушек. На нем поставлено было 13 самых больших корабельных орудий; прямо против крепости 3 орудия в наружные пристройки; на Сальвадор 7 мортир разного калибра и сверх оных на укреплениях, кругом всей батареи обложены 7 пушек полевых. В десятом часу того же дня с обеих наших батарей и со всей крепости открылся жаркий огонь с бомбами. После полудня неприятеля покушался сделать вылазку, но готовая высадка из кораблей держала его в обуздании. Албанцы не допускали их до новой нашей батареи, имели долговременную и сильную пальбу и с малым уроном обратили неприятеля назад.

Ноября 17-го числа около полуудня явились к Адмиралу жители деревень Беници и Горицы и просили защиты от разорения и ежедневного грабежа французов, которые, видя бездействие наше с сущего пути, делали беспрепятственные вылазки и опустошали ближайшие деревни; они могли очень удобно напасть на Гуино и истребить наш госпиталь и другие заведения, там находившиеся.

Главнокомандующий, признав необходимость принять все зависящие от него меры к осаждению новой крепости Монте Абраама и наружных укреплений Св. Роко и Св. Сальвадора с сухого пути, приступил к этому немедленно, невзирая на недостаток в высадных пристанях, каковых находилось во всей эскадре не более семисот человек морских батальонов. Хотя большая часть турецких команд охотилась в десант, но войско это причиняло более беспокойства, нежели пользы. Турки, соскучившись долговременным житьем на кораблях, для того только и желали перебраться на берег, чтобы шататься и лях, для чего на кораблях имелись деревни, а не для того, чтобы находиться беззаботно и спокойно. Кадыр-Бей едва мог набрать на своей эскадре 300 человек, включая женщин и детей, для десанта и то, производя им двойную плату против корабельных служителей.

Русские в то же время заняли с отрядом военной команды, при двух вооруженных судах, Кардаки (единственное место, где флот мог наливаться водой), получившее это наименование от горы Кардаки, из которой истекает река Месогни в 10 верстах к юго-западу от старой

¹ По «Списку рекомендованным и отличившимся...», приложенном к всеподданнейшему рапорту Ушакова от 13-го марта 1799 года, деятельным сотрудником полковника Юхарина по постройке батарен показан турецкий вице-адмирал Патрон-Бей, т.е. 2-й флагман соединенной турецкой эскадры. Имя — Шеремет — не встречается в «Журнале плавания» Ушакова.

крепости. На острове Фано¹ сделан был маяк, под наблюдением штурмана при нескольких нижних чинах, а на Св. Сальвадоре, высочайшей горе, в северной стороне острова поставлен был телеграф. В южном и северном проливах понедельно назначаемы были в крейсерство отряды из кораблей и фрегатов обеих эскадр; у албанского же берега, против Корфу лежащего, около приморских селений Гуменицы, Капистоли, Агисарандес (сорока мучеников) крейсеровали малые суда. Жители этих мест, пользуясь ночной темнотой, доставляли французам на лодках припасы и всякую живность за большие деньги. В Наварин отправлены были, по прибытии сюда эскадр, взятые из Цефалонии три большие транспорта под начальством поручика морских батальонов Артаксиона; его сопровождали два чиновника турецкие: они имели препоручение нагружаться провинтом, в котором начинали мы претерпевать недостаток, и коим Оттоманская Порта обязалась запасти означененный порт.

Жизнь за братьев по вере

[3]

Обратим теперь внимание наше на распоряжение французов и на силы их. Едва дошло до Корфу известие о выходе из Дарданелл соединенных эскадр и о предполагаемом назначении их, как Главнокомандующий Ионическими островами генерал Жентиль, в качестве комиссара французской дирекции, отправился сам в Церковную область для домогательства при новоучрежденной римской республике, управляемой генералом Шампионетом, войск и провинта с просьбой доставить оные через Анкону на судах в Корфу, угрожающую осадой союзных флотов.

Главное начальство препоручено было в отсутствие Жентиля

¹ Небольшой остров, лежащий в 12 верстах к западу от северной оконечности Корфу, по середине которого возвышается большой курган вулканического вида: на нем живут рыбаки, промышляющие ловлей кораллов.

В крайности своей французы прибегли к Али-Паше, как приверженцу и скрытному союзнику республики французской, требуя от него провинция и 3 000 албанцев. Хитрый Али обещаниями и обманами проводил их до взятия им Превезы, снабдив их только некоторым количеством рогатого скота и то на наличные деньги. Гарнизона было у французов около 4 000 человек под ружьем, число весьма недостаточное для обороны Корфу, почтаемой первостатейной приморской крепостью Средиземного моря, как по важности местоположения, так и по обширности укреплений, коих не можно защитить иначе, как имея 10 000 гарнизона; провинта же было в крепости на б месяцев, и то только одного хлеба.

Солнечного мяса было изготовлено довольно большое количество, но оно было попорчено, а остров не мог их снабдить ничем, кроме оливкового масла, коим он изобилует. Скот, хлеб и вино доставляется с материкового берега и с прочих островов.

По предписанию французского генерального комиссара сделан был обыск в домах для отборания у корифиотов оружия, а с ним вместе и запасов, напитков, живности и пр., ссылаясь на осадное состояние, делавшее меры эти необходимыми. Большая часть жителей скрылась по деревням, в городе оставались только должностные люди, между приверженцами французскими выбранные, церковные служители, мастеровые, часть черни и все без изъятия евреи, всего около 3 000 жителей. Французы набрали разных бродяг до 300 человек для составления будто бы гражданской стражи (*trupra civica*), которых вооружили не ружьями, но лопатами и кирками для построения батарей на Видо и для поправления наружных укреплений.

Вскоре, определением военного Совета от 7-го ноября, все жители, жившие за стенами крепости, объявлены были врагами республики и вне покровительства законов (*hors la loi*). Этим определением прекратилось всякое сообщение между селениями и крепостью.

Между тем жители разных деревень, собравшись толпами, неотступно просили помощи, умоляли адмирала Ушакова дать им на первый случай хотя две пушки, одного офицера с 12 солдатами и с малым числом канонер, доказывая необходимость построить батареи на

старшему генералу Дебу. Между тем деятельный капитан Лажуаль, не теряя ни малейшего времени, собрал все французские гарнизоны, раскиданные по Албанскому берегу и на острове Паксо, после чего отправился со своим кораблем в Пулию за хлебом. Не смогши оного достать безденно, он арестовал в Манфредонии три Рагузейские судна¹, нагруженные пшеницей, истребил Гунио и дал первый предложение в военном Совете отнять остров Видо у дворяниня Пере (которому оный принадлежал) и укрепить его батареями. Остров этот усеян был масличными деревьями и виноградником, имел каменную церковь, несколько домов и других заведений; но французы деревья употребили на засеки, а материал церкви и домов на построение батарей вокруг острова и печей для раскаления ядер.

Жители приморских селений Мандукио и Горицы приглашены были вступить в службу для вооружения корабля «Леандра» и флотилии, с обещанием щедрой платы, но приморцы эти отказались, ссылаясь на свою неспособность к корабельной службе. Французы,ожесточившись этим отказом, потребовали от них лодок и оружия.

«Это значит, — отвечали несчастные приморцы, — лишить нас жизни, поскольку на лодках промышляем мы большей частью свое пропитание рыбной ловлей в Бутринте и Превезенском заливе, а оружие служит нам для обороны от наглости арнаутов и морских разбойников, уважающих одну только силу». Этого-то и хотели французы. После этого вторичного отказа генерал Шабо сделал вылазку, ограбил Мандукио, а Лажуаль со своим кораблем сжег лодки и истребил до основания 80 каменных домов и две церкви. Одним словом, это предместье в несколько часов обращено было в пустыню.

Надобно сознаться мимоходом, что имя, которое носила корабль капитана Лажуала, не служило ему девизом: ежели он и был щедр, то разве на одни разорения и грабежи, ибо равную же участь с Мандукио и Горицы претерпела и Горица — другое предместье, в южной части крепости лежащее.

¹ Хозяевам пшеницы французы заплатили в Корфу 500 тысяч ливров национального банка. Ассигнации эти проданы были все в Венеции на обвертки.

южной стороне Корфу при церкви Св. Пантелеимона. Это было самое удобное место, прямо против старой крепости и на высоком холме. Они столько жаловались на грабежи французов и так настоятельно уверяли, что при помои означенных людей наших составят сами двухтысячный корпус для охранения этого места, что отказать им в просьбе ихказалось противно общей пользе. Адмирал на другой день послал к тому месту взятое в плен шебеку¹, под командой лейтенанта Ратманова². Батарею поручено было устроить волонтеру из острова Занта греку графу Маркати, весьма искусному инженеру, и с ним посланы из батальона г. Босаси поручик Кантарино с 12 фузилерами, одним унтер-офицером и шестью канонерами. Приказано было употребить все возможное старание устроить с означенными жителями в ночное время батарею с обещанием, что, когда ее кончат, то прислано будет еще в подкрепление несколько батальонных служителей, пока пойдут отсутствующие корабли.

Маркати успел эту батарею, сверх ожидания, кончить в одиннадцати часах, поставил на ней из наших призовых орудий одну гаубицу и две полевые пушки и, не дождавшись обещанного подкрепления с кораблей, открыл огонь с помянутыми служителями и обывателями деревни. Внезапное появление батареи этой удивило французов и, по удобности места, она привлекла во внутренности крепостей великое по-враждение.

20-го числа посланы на судах в подкрепление обещанные служители, но едва стали приближаться к сборному месту, как были со всех сторон окружены и сквачены французами. Они сделали сильную вы-

¹ 18-пушечная шебека захвачена у французов 29-го октября 1798 года отрядом Селивачева, блокировавшим Корфу до прибытия к острову Ушакова. Она получила название «Макарий». Модель этой шебеки хранится в Морском Музее.

² Ратманов Макар Иванович; в службе с 1787 года. В эту кампанию особенно отличился при осаде Анконы; в 1803—1806 гг. старший офицер корабля «Надежда», первого русского судна, совершившего кругосветное путешествие под командой Крузенштерна. Много плавал и проходил с блестящим успехом береговые должности. В 1826 году дежурный генерал Морского Министерства. Умер в чине вице-адмирала в 1833 году.

лазку в числе 600 человек и, как скоро только бросились на новую батарею, то островские жители, которых было там тысячи до полтысячи, оробели и предались бегству. Адмирал, видя их рвение и добрую волю, полагался и на неустранимость их, а паче еще на великое их число, но мирные сии неопытные поселяне, до того с одними только дикими утками воевавшие и видевшие, может быть, в первый раз ужасные действия пушечных выстрелов, не могли устоять даже против горсти регулярных войск. Они знали, что французы имеют сильный гарнизон в крепостях, и глядя на эту вылазку глазами страха, неприятельские силы показались им превосходнейшими, нежели были в самом деле; они воображали, что их всех схватят руками, как овец, что не дадут им перекреститься, не только зарядить вторично ружье. Как бы то ни было, менее нежели в четверть часа русские остались одни на батарее: сколь храбро они ни оборонялись, но должны были уступить страшному превосходству сил. Все пали, кроме 17 человек, взятых в плен, в числе которых и инженер Марката и поручик Кантарино; два канонера и два солдата бежали с батареи на берег и спаслись на шебеке. Таким образом излившее усердие, чрезмерная поспешность и самонадеянность Марката, начавшего действия с однажды робкими поселянами, не дождавшись обещанных подкреплений, стояли ему свободы, а потом, как мы увидим ниже, и самой жизни. Адмирал Ушаков, дороживший людьми, весьма был огорчен этой неудачей, сколь ни была она маловажна относительно к экспедиции вообще.

Французы, возгордясь успехом этим, вдумали было сделать покушение против нашей батареи и в первом часу пополудни послали новую вылазку. В ней было уже 1 000 человек, под командой генералов Шабо, Пивиона и прочих батальонных начальников, в том числе было до 40 конных. Они стремительно ударили на холм Кефало, где было наше укрепление. Здесь находился, кроме показанного числа людей, отставной волонтер нашей службы капитан Кирико с 30 албанцами и несколькими островскими жителями. Все они состояли под начальством капитана Евгения Андреевича Кикина.

Как скоро французы приблизились к батарее, то островские жи-

тели и здесь смялись и предались бегству. Не должно этому удивляться: толпа мирных поселян, от природы к неге привычных, может ли остановить людей, к сражениям приобщенных. Увидев сильное ополчение неприятеля, под начальством известных им генералов, греки так испугались, что и вообразить себе не могли, чтобы столь малое число русских воинов могло драсться против сиа, гораздо превосходнейших. Неожиданный побег жителей и сильное стремление французов не ослабили нимало действий нашей батареи. Русские встретили неприятеля с обыкновенным своим мужеством: схватка была прежаркой и упорная. Севастопольцы видели тут в первый раз французов, наполнивших уже всю Европу страхом, и французов, одни только Суворовым в Италии поражаемых. Республиканцы наступали на батарею с трех сторон с великой неустранимостью, но были отовсюду отражены с уроном как пушками, так и штыками русскими. Жестокий бой с обеих сторон продолжился до самого вечера. Воспаленные мужеством, гренадеры наши не хотели более оставаться за окопом, не принимая участия в общем сражении. Они единогласно просили капитана своего, чтобы он позволил им решить дело, сделав вылазку на неприятеля. Храбрый Кикин горел одним желанием со своими солдатами, он взял с собой отборных офицеров, 200 человек гренадеров и других охотников и пустился с ними на неприятеля. Выступив из батареи, отряд этот сделал один залп из ружей и в тот же миг быстро ударили в штыки: несколько турок и албанцев последовали их примеру. Французы, будучи поражены этим нечаянным нападением, отступили назад, и иные едва могли укрыться под самым гласисом крепостей, оставляя победителям поле сражения, убитых и раненых. По возвращении наших на батарею, подоспел уже и новый отряд посланных с эскадрой на подкрепление.

Урон со стороны французов был немаловажный: убит один батальонный начальник, несколько офицеров и до 100 рядовых, раненых было более 200 человек. С нашей стороны урон состоял убитыми: в подпоручика Чернышева, в двух унтер-офицерах, 26 рядовых и трех канонерах, между ранеными находились храбрый Кикин, начальствовавший на батарее и получивший две тяжелые раны: одну

пуй в верхнюю часть груди, а другую штыком в правый бок, лейтенант Ганфельд, офицеров 4, гренадер 62, бомбардир 1, канонер 1 и один артиллерийский унтер-офицер.

Из всех вылазок, сделанных французами, эта была самая значительная и, несмотря на превосходство сил, обратилась совершенно в ущерб их. Адмирал Ушаков крайне был доволен успехом этим и отдал полную справедливость отличившимся в этом деле: неустранимому капитану Кикину и гренадерам его, лейтенанту Ганфельду, албанскому капитану Кирико, старшим унтер-офицерам батальона Боасела Сикийскому и Тичинину, также унтер-офицерам Осипову, Прасолу, Васильеву, Полетову, Страховскому и Жиленке, оказавшим отличные опыты усердия и храбрости.

Сыны России! Если случится котормому из вас быть в Коринфском проливе и ехать мимо холма Кефало, взгляните на развалины русских укреплений, некогда тут бывших, а ныне может покрытых зеленым дерном! Они омыены кровью собратий ваших, положивших живот свой за единоверцев; вспомните с признательностью имена их, освятившие могилу Чернишева цветами и печальными ветвями кипариса! Да будут павшие за веру заступниками нашими у Престола Божия, да восторжествует вслупу крест и истребятся козни мятежников и последователей буйных галлов!

Раны капитана Кикина подали повод к следующему странному анекдоту: имя этого отличного офицера сделалось известным по всему эскадрам, сами турки принимали живейшее участие в его выздоровлении. Всякий старался быть ему в чем-либо полезным и делать ему угодное. Дня четыре спустя после поражения французов, некто Эким-Мехмед, бывший на адмиральском турецком корабле в звании главного штаб-доктора, одевшись в праздничное свое платье, вошел неожиданно в мою каюту; так как они никогда у меня прежде не бывали, то посещение это меня несколько удивило, но удивление мое еще более умножилось, когда Эким-Мехмед, подойдя ко мне ближе и

сделав низкий поклон, произнес чистым русским языком следующие слова: «Ваше благородие! Бога ради поведите меня к капитану Кикину, ведь он мой господин! Я хочу его видеть и просить у него прощения. Я был коновалом у покойного его батюшки; меня отдали тогда в солдаты: под Мачиным попался я к туркам в плен, по глупости своей отлучился и женился в Царьграде, имею пять человек детей. Благодаря Бога, нажил я себе хорошее состояние, получая большое жалованье за лечение турецких матросов от ран и прочих болезней; я долго крепился... никому из русских не открывался, но как узнал, что мой барин находится здесь на кораблях и тяжело ранен неверными французами, мне стало так грустно, что я не знаю куда деваться. Заставьте же за себя вечно Бога молить, поведите меня скорее к барину моему — я хочу пачь к ногам его и просить у него прощения! У меня, батюшка, русское сердце, ко мне турецкого ничего не пристало. Я не Мехмед, меня зовут Кондрашко!»

Читатель может себе представить сколь велико было удивление мое, открыв в штаб-докторе турецкого флота белого русского солдата! Я не мог не удовольствовать неотступной его просьбе и отвез его тотчас на корабль «Св. Павел». Он от радости был долго безмолвен и кинулся потом к ногам своего господина, коему я должен был объяснить, кого он перед собой видит. Кикин, невзирая на ужасную боль, ранами причиняемую, не мог удержаться от смеха, видя у ног своих в богатой восточной одежде, с превеликой чалмой на голове слугу своего Кондрашки, переименованного Экимом-Мехмедом и возведенного из русских коновалов в турецкого главного штаб-доктора, призывающего Бога в свидетели, что он сохранил русское сердце и готов для отечества и господина жертвовать чином своим, достоянием, женой и детьми.

Сцена эта насмешила и тронула в одно время всех предстоявших. Примерная привязанность русских к своей родине и любовь к соотечественникам, отличает их от всех народов Европы, не изъясня даже обитателей гористой Гельвеции, столь славящихся любовью своей к отчизне. Всем известно, что швейцарцы непринужденно оставляют отчество свое, чтобы из платы служить во Франции, Гибралтаре, Неаполе

и других землях; они составляют полки и умирают на поле чести за распри, совершенно им чуждые, или же трудолюбивыми своими руками обрабатывают иностранные поля и населяют колонии. Какой же русский (за исключением разве гонимого судьбой Кондратия) оставил охотно Россию, чтобы избрать себе другое, лучшее отчество? Какой русский проливал кровь свою за другого, как Царя своего или его союзников?.. Тщетно будем мы искать тому примеров, мы найдем только малое число расслабленных, удрученных летами и недугами, кои в прелестном климате Италии и Франции находят в болезнях своих облегчение, жертвуя для здоровья своего всеми сладостями, сопряженными с обитанием отечественного крова.

Европа видела в 1812 году, что может произвести пылкая любовь к отечеству, эта надежнейшая для сохранения царств добродетель. Она соделила Россию непобедимой, она залог нашей независимости, нашей славы и целости нашего государства!'

24-го ноября, по взаимному условию между начальниками, воспоследовала размена пленных. Поручик Кантарино и с ним 14 рядовых были присланы к адмиралу на корабль: но злополучный инженер граф Марката к нам уже не возвратился. Слышино было, что он прежде находился во французской службе и что, не быв от оной уволен, вступил в нашу, почему, попавши к нам в плен, был немедленно расстрелян. В размен от нас отданы были один капитан и 15 рядовых.

При эскадре нашей остался родной брат несчастного Марката, который старался всеми средствами отомстить плачевную смерть его. Он был частью с пользой употребляем и всегда оказывал себя храбрым и преданным России офицером.

Капитан Лажуаль и плац-комендант (*Commandant de la place*) Карбон были от генерала Дюбуа присланы к адмиралу Ушакову на

¹ Кто из русских, проведя несколько лет в чужих краях и возвращаясь в отчество, не испытывал того неизъяснимого чувства, которое при вступлении в свои пределы заставляет невольно выскочить из повозки, повергнуться на русскую землю и целовать ее? Кто из русских не выполнил обряда сего по крайней мере мысленно? Кто не сказал путевому товарищу или слуге своему с тронутым сердцем: «Ну! брат, мы дома: мы опять на святой Руси!»

При осмотре их российским чиновником, посланным из флагманского корабля, найдены были на одном из них переодетыми в матросские платья бывший на острове Занте французский консул Гис и корпусный хирург Пуатье, кои оба отправлялись во Францию с донесением к директории. Добыча эта не без пользы была для российской эскадры: искусный в своем деле Пуатье вылечил совершенно от ран любимого всеми храброго Кикина, а Гис до самого взятия Корфу восхищал общество офицеров на корабле «Св. Павел» приятным своим обхождением, острыми шутками и превосходнейшей своей игрой на виолончели.

Беспокойство от вылазок (особенно же ночью), беспрестанный гром батарей и частные покушения корабля «Женероз» сниматься с якоря озабочивали нимало адмирала Ушакова. Главный план его состоял в стеснении крепостной блокады. Сделав сначала это распоряжение, он держался совокупно всеми судами около главного центра действий, не отвлекая силы свои от того места, где они более были нужны.

Меры эти имели желаемый успех, и неприятель в вылазках своих был весьма осторожен и доводствовался доходить до ближайших садов и огородов (прикрываемых наружными укреплениями), в коих он запасался разными овощами.

Союзники не имели достаточных сил для большого стеснения осады и не могли отдельно от батарей больших отрядов против неприятельских фуражиров.

Хотя островская милиция, предводительствуемая ревностным гравом Булгари, усердствовала во всем, а особенно при работах на укреплениях и в порте Гуино, но корфиоты были приведены в такую рабость французским приговором, подвергвшим их расстреливанию без всякого суда, что, несмотря на всю свою преданность к русским, мало им способствовали в военных действиях: одни только мандукионы и жители Горицы, разорванные до основания французами, кидались всюду отчаянно против неприятеля, ища мщения или смерти.

Адмирал, для принятия решительных мер, ожидал со дня на день

корабль для совершения размена. Первый просил, чтобы позволено было выйти из гавани Мандракио шести нейтральным купеческим судам, отправляющимся в Венецию, а второй приносил жалобы на жестокость турок, отрубивших головы не только убитым, но и всем раненым при Монте-Оливете французам. Адмирал позволил трем австрийским судам следовать в назначенный путь и обещал употребить влияние свое у Кадыр-Бея, чтобы вперед турки не следовали варварскому обыкновению, столько противному человечеству.¹

При этом случае главнокомандующий изъявил также со своей стороны французским чиновникам сильное свое негодование на жестокие их поступки с оstromитами.

Карбон (как и большая часть тогдашних французов), будучи щедр на высокопарные выражения и пышные слова, языком чувствительности изъявлял сожаление свое о бедствиях войны и умолял адмирала Ушакова сodelать оные менее тягостными для двух народов, только взаимного почтения достойных! Кто же был сей Карбон, сей друг человечества, сей нежный филантроп? Жесточайший террорист, свирепый якобинец, носивший между корифиотами и даже между своими имя второго Марата! Он-то всеми способами ускорил казнь графа Марката и пойманных с ним корифиотов, не соблюдая даже принятых обыкновенных форм военного суда, дабы не дать времени адмиралу Ушакову просить генерального комиссара о пощаде этих несчастных.

Едва парламентерная шлюпка пристала к крепости, как австрийские суда, получившие позволение выйти из гавани, пользуясь по-путным южным ветром, вступили под паруса.

¹ Само правительство поощряет их к сему. Турецкие военные начальники на-граждаю щедро своих подчиненных и платят не только за голову неприятельскую, но даже за расчисление за ухо, нос, языки и т. д. Турецкий адмирал, уважив ходатайство Ушакова, объявил команде своей, что значительное награждение выдается будет тому, кто представит живого пленного француза, но что член, даже голова убитого неприятеля, не будет вперед давать права ни на какую денежную выдачу. Этой благоразумной мерой прекратилось неистовое обыкновение, ожесточавшее более французов и делавшее бедствия войны еще ужаснейшими.

прибытия морского полка, который, по полученным из Константино-поля известиям, долженствовал отправиться из Севастополя в начале декабря на эскадре Вице-Адмирала Пустошкина¹. Между тем, по недостатку в войске, Адмирал принужденным нашелся взять на жалованье роту албанцев из Химары, не уважив усиленных просьб островских жителей, боявшихся грабежа албанцев более, нежели оружия французов. Наёмники эти, присоединясь к команде майора Кирко и к другим 200 албанцам, взятым со Св. Мавры и с берегов Ливадии, остановили отчаянны вылазки неприятельские, причиняя ему всевозможный вред. Хотя особым фирмам Султана повелено было всем берегам Албании, дабы каждый из них доставил соединенному флоту по 3 000 албанцев, но известные и частные возмущения областных начальников и пашей против Султана пристанавливали действия фирм, более же всего подавал повод к беспорядкам этим властолюбивым и вероломным Али-Паша, который задерживал везде отряды албанцев, отправляемых к союзникам. Под предлогом, что явится сам с 15 000 войска, он не допускал Адмирала Ушакова заимствовать войска от других Пашей. Происки Али-Паша были довольно известны; Адмирал имел много доказательств изменения его, но знал, что директория употребляла его главным своим орудием для возмущения Отоманских областей, что коварный сей турок, не успев склонить французов сдать ему Св. Мавру, ни продать Корфу, питал безрассудное намерение, напав неожиданно на русских, отняв у них эту славную добчу, но надлежало скрывать свое негодование и обходиться с ним, как с союзником, чтобы при случае действовать против него, как против неприятеля. Не один раз созы-

¹ Контр-адмирал Пустошкин Павел Васильевич, товарищ Ушакова по Морскому корпусу; в 1787—1790 гг. командир Таганрогского порта, награжденный в 1789 году орденом Св. Владимира 4 ст. за успешную постройку 27 военных судов и в 1790 году орденом 3 ст. за отличное прилежание и труды по управлению портом. Участник победы при Калиакрии в 1791 году, за нее награжден Св. Георгия 3 ст. В наступившую кампанию за взятие Корфу произведен в вице-адмиралы и получил орден Анны 1 ст. Уволен от службы в один год с Ушаковым в 1807 году. Умер в 1828 году.

ваем был на адмиральском корабле совет для решения, какие лучше предпринять меры против Паши Янинского, и тут Ушаков доказывал, что он был столь же хитрый политик, сколь храбрый воин.

Декабря 9-го числа прибыл к соединению с флотом капитан Сорокин, с вверенными ему фрегатами «Михаил» и «Казанская Божия Матерь». Мы остановимся несколько, чтобы рассказать о путешествии отряда этого, блокировавшего Александрию и возвратившегося на Корфу за недостатком в провинте. Хотя и заходил он в Родос в надежде получить продовольствие от турецкого правительства, но Родосский комендант (как видит читатель ниже) столь же мало уважал Султанский фирман, как и Морейский, Эпирский и прочие на местники.

Капитан 1-го ранга Александр Андреевич Сорокин отправлен был в Александрию 14-го сентября из Дарданелл. С ним находились и турецкие легкие суда, под начальством своего капитана; на другой день прибыли они к острову Хио, где несколько времени пробыли, дабы дополнить морскими служителями свои канонерские лодки. 21-го числа направили они плавание свое к Родосу. Ночью отстали от Сорокина турецкий фрегат и лодка, почему, проходя близ острова Станико, для поджидания оных стал он на якоре и сделал сигнал крепости, с которой ответствовано равным числом выстрелов. Оставшиеся суда пришли на третий день и до 25-го числа, за сильным ветром, не могли было продолжать пути. На другой день эскадра, приля к Родосу, застала уже стоявший тут английский корабль из отряда, находящегося в Александрии капитана Гутена. Едва успел Сорокин бросить якорь, как прибыл к нему с фрегат с английского корабля офицер с приветствием: в ответ на эту вежливость, сам капитан Сорокин посетил корабль английский, откуда отправился на берег к Родосскому Бею, чтобы узнать о судне, нарочно отправленном от Порты к английскому отряду, с прослой десяти канонерских лодок. Он нашел действительно судно это при Родосе, но оно не смело следовать за ним в Александрию, почему капитан Сорокин и просил Бея понудить это судно к отплытию, что им немедленно и исполнено

было. В провинте же, нужном для русского отряда, Бей решительно отказал.

На другой день турецкий капитан донес, что некоторые канонерские лодки повреждены; что не имеют полного комплекта огнестрельных орудий и что оными должны запастись в эдешнем порту. Сорокин, ожидая от начальствующего Английским отрядом отзыва, будучи нужны канонерские лодки, приказал бывшим с ним в походе судам быть в готовности выступить под паруса при первой повестке; между тем стал закупать для эскадры своей свежее мясо и вино.

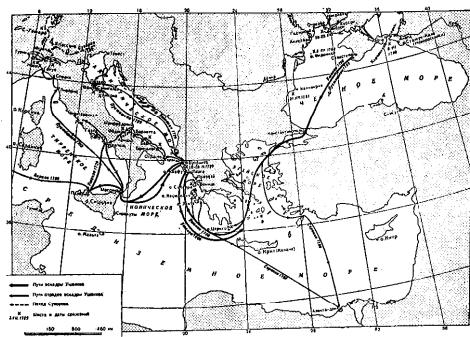
Октября 1-го дня прибыл к нему на фрегат капитан Гутен и объявил именем начальника Английской эскадры, что лодки при Александрии очень нужны, и что необходимо поспешить доставить их скорее. Так как снаряжение оных в пути зависело от самого Бея, то оба они вместе поехали просить его об этом. К удивлению их Бей объявил, что он сейчас получил от Порты особое и строгое предписание следовать самому с ними в Александрию и просил капитана Сорокина помедлить несколько своим отъездом, чтобы дать ему время снарядиться. Английский корабль к вечеру выступил под паруса и отправился к своему отряду, а 5-го числа и наша эскадра, к которой присоединился Родосский губернатор Али-Бей, оставила гавань и, при попутном ветре, прибыла через четверо суток перед Александрией. Приметив на другой день военные корабли, она сделала обозначительные сигналы: это был отряд капитана Гутена, состоявший из трех 74-пушечных кораблей, двух фрегатов, одного брига и двух турецких корветов. Спустившись прямо к начальствующему над этим отрядом, капитан Сорокин лег в дрейф и явился к нему под начальство.

Невозможно описать радости, являвшейся на всех лицах при этой встрече двух союзных флотов! Люди и офицеры обнимали друг друга. Это походило на радостное свидание после долгой разлуки. Французы уверяли всех жителей Египта, что Франция находилась в совершенном согласии с блестательной Портой, и что Российский флот не может являться на этих водах в соединении с Английским; но этот грубый обман тотчас обнаружился и капитаны, желая еще более обнаружить его перед жителями, послали нарочно обе союзные эс-

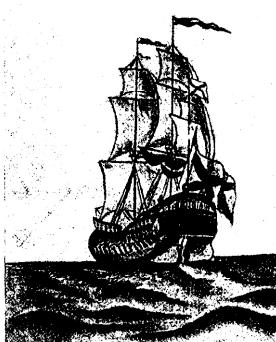
кадры бомбардировать крепость Абукир, чьи батареи устроены были самим Бонапартом. Лодки наши были под прикрытием английского корабля и двух фрегатов — нашего и турецкого; начальство было пре поручено старшему английскому капитану Гилвею. На канонерские лодки посажены были вместе: российские и английские офицеры с нужным числом матросов и канонеров под турецкими флагами, а из турок приготовлен был высадочный отряд, которому велено было поддерживаться российскими и английскими солдатами, чтобы на берегу их видели и распознали явный обман французов. Таким образом, этот отряд пошел к Абукиру, и капитан Сорокин остался в отряде с английскими кораблями под начальством капитана Гутена. Они держали в блокаде две крепости — старую и новую при Александрии, в которой находилось неприятельских два корабля, шесть фрегатов, 12 разных мелких судов и до 300 транспортов.

Сверх того Сорокин перехватил в это время 18 французских штаб- и обер-офицеров, отправлявшихся из Египта во Францию: плленые эти имели с собой наличными деньгами до 30 тысяч червонных, им собственно принадлежавших. Деньги эти не только не были им отняты, но сохранились в целости до увольнения их адмиралом Ушаковым на честное слово во Францию.

Сколь ни велик был недостаток Сорокина в деньгах для закупки хлеба на продовольствие обоих фрегатов, собственность обезоруженных неприятелей была свято уважена. Подобные примеры бескорыстия русских в эту добычу преисполненную войну изумляли просвещенных завоевателей и наставников Европы, мечтавших преобразовать веру, законы, правительство и даже нравы всех четырех частей света.



Военные действия русского флота под командованием адмирала Ушакова



Флагманский 84-пушечный корабль адмирала Ушакова